

Д. О. Крюков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ ЭЛИТЫ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Можно утверждать, что определенный тип политической элиты напрямую связан с определенным типом общества и соответствует ему. Таким образом, индустриальному обществу соответствует один тип правящей элиты, а постиндустриальному — уже другой, т. е. процесс смены индустриального типа общества на постиндустриальный подразумевает процесс смены прежней, «старой», элиты на «новую». Такая взаимосвязь обусловлена тем, что каждый последующий тип общественной системы и социальных отношений влечет за собой принципиально новые качественные характеристики тех, кто этими отношениями управляет. Данное положение вполне соответствует широко распространенной в настоящее время организаторской теории элиты (ее называют также функциональной, или технологической), которая нашла свое выражение в работах Дж. Бернхэма, А. Фриша, К. Боулдинга и их последователей, считающих, что формирование элиты зависит от функций, выполняющих главенствующую роль в обществе в определенную эпоху.

Т. Веблен, основатель технократических теорий, которые были первой формой технологического элитаризма, считал, что главную роль в современном производстве играет инженерно-техническая интеллигенция, которая и должна быть элитой общества. Но эти представления носили печать утопизма; во времена «великой депрессии» 1929–1932 гг. перепуганная буржуазия причисляла Веблена, Скотта и их сторонников к «розовым», поскольку те носились с идеей заставить капиталистов под угрозой «забастовки инженеров» передать им бразды правления. Второе поколение сторонников технологического детерминизма возглавил Дж. Бернхэм, который в своем программном произведении «Менеджерская революция» утверждал, что на смену капитализму придет не социализм, а «менеджеризм»; менеджерская революция приведет к власти новый правящий класс — элиту управляющих. И если Веблен призывал инженеров и техников оттеснить бизнесменов и взять в свои руки управление индустрией и социальной жизнью в целом, поскольку они действуют с позиций производственной целесообразности, что совпадает с общественной пользой, то Бернхэм считал неприемлемым причислять к элите рядовых инженеров и техников, которых именуют просто «квалифицированными исполнителями» [1, с. 156]. Среди представителей элиты менеджеров он видит директоров, председателей советов, президентов крупнейших корпораций, тех, кто «фактически управляет процессом производства, независимо от юридической и финансовой формы — индивидуальной, корпоративной, правительственной». Прототип класса менеджеров как новой элиты он видел в иерархии директоров таких американских корпораций, как «Ю. С. Стил», «Дженерал Моторс». Опираясь на концепцию американских экономистов Берли и Минза о разделении собственности и контроля, Бернхэм утверждал, что в индустриально развитых странах произошло отчуждение функции управления от функции собственности, в результате которого первая приобрела решающее значение. Поэтому подлинной элитой теперь оказываются уже не капиталисты, а управляющие и высшее звено администрации. Если во времена Адама Смита капиталист

© Д. О. Крюков, 2010

был одновременно и управляющим своим предприятием, отмечал Бернхэм, то теперь он утрачивает функцию управления. При этом Бернхэм проводит аналогию с тем, как в средневековой Франции короли династии Меровингов утратили контроль над страной, который захватили реально правящие мажордомы династии Каролингов. Он позиционирует менеджеров как «новый класс», не связанный с капиталистами, а рекрутируемый из всех классов общества, пополняемый самыми способными людьми. Положение, роль и функции, которые выполняют менеджеры, ни в коей мере не зависят от сохранения капиталистической собственности, они в большей степени связаны с расширением государственного регулирования экономики. Государственно-монополистические тенденции Бернхэм представляет как подрыв капитализма. «Когда основные средства производства перейдут в собственность или под контроль государства. . . переход от капиталистического общества к господству менеджеров будет в основном завершен» [1, с. 157]. К «новой элите» помимо управляющих промышленными корпорациями Бернхэм также относит руководителей правительственных учреждений. Он обращает внимание на то, что в менеджерском обществе происходит политизация всех сторон жизни. В капиталистическом обществе политика и экономика — отдельные сферы социальной жизни, в менеджерском это различие исчезает, так же как и границы между политиками и «капитанами индустрии»; обществом управляют менеджеры. Капиталисты контролируют государство косвенно, а менеджеры — непосредственно. И если в капиталистическом обществе власть сосредоточена в парламентах, то в менеджерском — в административных органах. Совершенно очевидно, что идеальную модель общественного устройства Бернхэм представляет как государственно-монополистический капитализм, при котором элита менеджеров эксплуатирует массы. Он утверждает, что пропагандируемая им социально-политическая система может быть «типом корпоративной эксплуатации. . . Менеджерская группа эксплуатирует остальное общество» [1, с. 157]. Более того, менеджерская элита контролирует средства производства и имеет привилегии в распределении продуктов труда, а государство оказывается «собственностью менеджеров». Впоследствии идеи Бернхэма использовал М. Джилас для объяснения социальных процессов в странах «реального социализма». Бернхэм не отрицал, что «общество управляющих» будет классовым обществом, в котором есть привилегированные и угнетенные. Но возможные выступления против «общества управляющих» Дж. Бернхэм, А. Берли, Д. Элеско изображают как абсолютно бессмысленные и утопические, так как они направлены против «квалифицированной элиты». Однако утверждения теоретиков «элиты управляющих» о том, что место капиталистов занимает «новый класс менеджеров», оказались несостоятельны. Действительный процесс отделения собственности от приложения капитала совсем не означает перехода власти от капиталистов к менеджерам. Президенты и директора монополистических объединений являются по сути функционирующими капиталистами (в отличие от капиталистов-собственников). И рекрутируется элита менеджеров отнюдь не из всех классов общества, как это представляли себе сторонники «функционального» обоснования элитаризма. Результаты исследований западных социологов показывают, что большинство менеджеров высшего звена — выходцы из привилегированных слоев общества. Еще Р. Миллз в 1950-х годах показал, что только 8% управляющих американскими корпорациями — представители более низких слоев населения. С тех пор существующее положение сильно не изменилось. Как свидетельствовал Т. Дай в 1970–1980-х годах, большинство американских менеджеров происходит из «высшего или высшего среднего класса» [1, с. 158]. Аналогичную статистику приводили американские социологи в 1990-х годах. Как писал Миллз, «ведущие администраторы и крупнейшие богачи из мира корпораций не

представляют собой двух отличных друг от друга и четко обособленных групп. Они весьма основательно переплетаются между собой в мире корпоративной собственности и привилегий» [2, с. 162–163].

Следует обратить внимание на то, что социальные последствия научно-технической революции привели к росту влияния и статуса бюрократии и определенных слоев интеллигенции, в том числе гуманитарной, принимающей участие в управлении различными сторонами социальной жизни. Для обозначения именно этих слоев стал применяться термин «новая элита» (менеджеры, верхний слой чиновничества и упомянутые выше слои интеллигенции), которая в отличие от «старой элиты» («элиты крови» и «элиты богатства») рассматривается как важнейший агент создания новых форм постиндустриальной социальной структуры. В научной литературе было много написано о том, что НТР возносит на вершину власти и влияния эти социальные группы; в то же время западные футурологи (в том числе Д. Белл, Г. Канн, А. Винер) отводили им в будущем роль важнейших составных частей правящей элиты. Современные западные социологи все больше отказываются от малообоснованных восторгов по поводу «гениальности» высших слоев и рассматривают проблему элиты в непосредственной зависимости от бюрократизации общества, применяя этот термин при анализе высших страт в бюрократической системе. «Новая элита», состоящая из должностных лиц западных правительственных организаций и представителей частного предпринимательства, объявляется производной от западных образовательных институтов. Эта элита вырабатывает собственную идеологию (технократический либерализм), собственную систему рекрутирования (университеты и элитарные учебные заведения). Формируя свою идеологию, бюрократическая элита исходит из понимания общества как определенной системы бюрократических институтов, эффективно управляемых квалифицированными менеджерами, из ведущей роли «новых элит», которые с помощью научных средств и методов регулируют социальные отношения, в то время как «бесклассовое» рекрутирование элит приводит к оптимальному соотношению между элитами и массами, минимизируя тем самым или вообще снимая социальную напряженность. Такой подход учитывает то бесспорное обстоятельство, что НТР приводит к существенному росту влияния как научно-технической, так и гуманитарной интеллигенции. Это проявляется в том, что правящая элита вынуждена обращаться к ней не только по технологическим, но и по политическим, а также социальным вопросам. Теоретики неотехнократии утверждают, что развитие НТР приведет к установлению власти интеллектуальной элиты. Однако более осторожные представители этого направления вполне обоснованно замечают, что интеллектуалы в лучшем случае могут решать вопросы о способах, но не о целях жизнедеятельности общества. Хотя правящая элита и поглощает отдельных представителей верхушки интеллигенции и менеджеров, политику все-таки определяют не они.

В современных неотехнократических теориях проблеме элиты отводится одно из центральных мест. Так, например, у Дж. Гэлбрейта современная технология с неизбежностью порождает элиту, представляющую собой «техноструктуру», образуемую определенной иерархией специалистов во главе с менеджерами. При этом такая техноструктура представляет собой не совокупность отдельных личностей, а институт. Не индивид, не отдельный лидер или представитель, «а целый комплекс ученых, инженеров и техников, работников сбыта и рекламы, экспертов, бюрократов, координаторов. . . становимся руководящим разумом деятельности фирмы. Это и есть техноструктура» [1, с. 160]. Элита же сама по себе достаточно анонимна. Смерть и приход нового человека, по мнению Гэлбрейта, не оказывает ни малейшего влияния на таких гигантов, как «Дженерал Моторз» или «Континентал кэн». Люди постепенно начинают ощущать, что

власть перешла к техноструктуре. Таким образом, «новая элита» представляет собой не совокупность отдельных, так или иначе выдающихся личностей, а корпоративную элиту, которая является функциональной по отношению к современной технологии. Такая же корпоративная элита управляет и политической сферой. Техноструктура выступает как своеобразная элита новаторов, которые руководствуются в своей деятельности не кратковременными интересами получения прибыли, а долгосрочными перспективами увеличения мощи и престижа корпораций, совпадающими с интересами общества в целом. По мнению Гэлбрейта, власть в настоящее время во все большей степени ассоциируется с доступом к знанию, информации, поэтому центр власти стремительно перемещается от элиты владельцев капитала к элите квалифицированных, высококлассных специалистов, носителей и проводников знания, т. е. «от капитала к организованному знанию». Кредо неотехнократов, как, впрочем, и всех представителей технологического детерминизма, — «элита спасет мир», но имеется в виду не просто элита, а передовая, квалифицированная элита, за которой стоит большое будущее. Но не является ли это всего лишь либеральной утопией, переходящей в концепциях Д. Белла, З. Бжезинского в утопию консервативную? Как Гэлбрейт, так и Белл в своих рассуждениях часто используют понятие «дефицит». Гэлбрейт, например, считает, что в современных условиях такие факторы, как капитал, труд, земля и другие ресурсы, избыточны, в то время как знания представляют дефицит. Именно с изменением характера «дефицита», как считает Белл, произойдет соответствующая иерархизация элиты по новым критериям.

Опираясь на объективный и закономерный процесс возрастания роли ученых и специалистов, неотехнократы убеждают, что именно они представляют собой элиту постиндустриального, информационного общества, так как обладают научными знаниями, профессиональным опытом, умением управлять и руководить современными организациями. Такая элита не только более эффективна, но и более справедлива, так как признает и основывается на таких ценностях, как знание, компетентность, опыт, профессионализм, т. е. представляет собой элиту заслуг, своего рода меритократию.

Проблема элиты находится в центре концепции постиндустриального общества. Белл перечисляет его основные черты и характеристики: переход от производства товаров к преобладанию непроектирующей сферы, к экономике обслуживания; господствующее положение «класса» профессионалов и технических специалистов; централизация теоретических знаний как источник инноваций и формулирования политических принципов; осуществление контроля над технологией и создание современной, «интеллектуальной» технологии. «Осевым» принципом и движущей силой такого общества является наука, а его элита — это те, кто представляют собой науку; осуществляется переход от «общества производящего» (индустриального общества) к информационному, от эмпирического знания к теоретическому как основному способу «конструирования мира». Отсюда возникает ведущая роль «интеллектуальной технологии» (особенно таких методов, как линейное программирование, системный анализ, кибернетика, теория игр, мощные современные ЭВМ, которые предоставили новые возможности и средства для самых разнообразных экспериментов и проектов в области социальных отношений). На таком фоне, по мнению теоретиков постиндустриального общества, и происходит возрастание значения и влияния научной элиты, которая начинает постепенно выдвигаться на авансцену. Она становится интегральной частью правящей элиты, так или иначе отгесняя элиту собственников. И если раньше основными акторами и доминирующими фигурами в элите были предприниматели, бизнесмены, то на смену им будут приходиться ученые-математики, экономисты, социологи, специалисты в области вычислительной техники и информационных технологий. Если центром жизнедеятель-

ности индустриального общества была капиталистическая корпорация (и, таким образом, элитой общества была капиталистическая элита), то лидирующими учреждениями информационного общества будут научно-исследовательские центры, университеты, интеллектуальные институты наподобие «Рэнд корпорейшн», так как именно в их стенах будут ставиться задачи, требующие наиболее ответственных и творческих решений, туда будут стекаться наиболее талантливые люди, образующие элиту общества. Осуществление руководства в таком обществе, бывшее ранее прерогативой капиталистов, финансовой олигархии и представляющих их интересы политиков, перейдет в ведение научно-исследовательских организаций, промышленных лабораторий университетов и, соответственно, менеджеров, организаторов науки. В то же время Белл делает попытку несколько ослабить слишком радикальный вывод о том, что элита, состоящая из представителей научного сообщества, безоговорочно будет управлять обществом. Он высказывает сомнение по поводу того, что технократы и ученые смогут реально добиться такой власти, так как в современном обществе политика доминирует над всем. Но в силу того, что политическая элита принимает то или иное решение, основываясь на рекомендациях и предложениях экспертов, их мнение все чаще будет становиться определяющим. Поскольку крупнейшие институты постиндустриального общества будут носить интеллектуальный характер, административно-управленческие, производственные и другие решения будут непосредственно связаны с деятельностью «интеллектуальных центров общественного влияния» [1, с. 163]. Таким образом, за политической элитой, как и прежде, сохранится ценное право выбора и принятия окончательных решений, но на альтернативные варианты этих решений будут влиять информация, исследования и анализ, предоставляемые и проводимые представителями интеллектуальной элиты. Воспроизводство талантов, а также распространение и поддержание интеллектуальных учреждений станет одной из приоритетных задач общества. Интеллектуальные и научные круги не только будут привлекать и рекрутировать в свои ряды наиболее одаренных, способных и творческих людей, но и влиять на занимаемое положение в обществе, определять престиж и статус человека. Интеллектуальная элита в какой-то степени начинает претендовать на то, чтобы стать разновидностью правящей элиты, хотя непосредственная власть по-прежнему сохраняется в руках правительственной элиты. Согласно прогнозам футурологов, работающих в рамках данного направления, будущее общество станет достаточно стратифицированным, дифференцированным. Но его отличительная особенность — даже не то, что элите противостоит непривилегированное большинство, а то, что элита сама по себе достаточно разветвлена и неоднородна. Согласно одному из прогнозов «Рэнд корпорейшн», элита будущего (верхушка ученых, экспертов) должна искусно и умело управлять большинством, используя весь арсенал методов психологического манипулирования. Слой интеллектуалов и специалистов также представляется достаточно ранжированным. Белл выделяет в его составе три следующих «класса»: «творческую элиту ученых и высшей профессиональной администрации», «средний класс» инженеров, научных сотрудников и «пролетариат умственного труда» — техников, ассистентов, младших сотрудников, лаборантов. В постиндустриальном обществе, по мнению Белла, основное противостояние будет происходить не среди рабочего класса и буржуазии, а между элитой специалистов и остальной частью общества. Для последней характерны непонимание, стихийный протест, иррациональная реакция на роль науки, современных технологий и научно-технической интеллигенции, все более укрепляющей свой статус и репутацию. Таким образом, основное противоречие индустриального общества — между пролетариатом и буржуазией — сменилось, как считает Белл, противоречием между интеллектуальной элитой и массой,

в том числе рабочим классом, который располагается внизу его системы социальной стратификации. Автор утверждает, что рабочий класс сокращается не только с точки зрения количества, но и качества. За последнее время содержание данного понятия существенно сузилось — к нему стали относить людей, занятых преимущественно неквалифицированным, тяжелым физическим трудом. Все это в конечном счете привело к тому, что «рабочий вопрос» перестал быть центральным и актуальным как прежде, уступив место противоречию между квалифицированной элитой и неквалифицированной массой. «Решающее разделение в современном обществе пролегает не между теми, кто владеет средствами производства и недифференцированным пролетариатом, — считает Белл. — Оно пролегает по линии бюрократических и властных отношений: между теми, кто обладает властью принимать решения, и теми, кто не обладает ею» [1, с. 164].

Возвышение «новой элиты» многие американские социологи называют важнейшей составляющей социальных изменений последнего времени. Так, например, американский социолог М. Новак представляет появление новой элиты как выдвигание на позиции власти образованных и талантливых людей, что является своего рода прогрессом. С их вхождением в элиту социальная структура становится более справедливой и демократичной по сравнению с обществом, в котором доминировала «старая элита», включавшая в себя менее 1% населения. Вполне можно согласиться с утверждением, что социальные группы, объединяемые понятием «новая элита», относительно демократичнее, чем элита земельной аристократии или финансовой олигархии. Однако подлинный демократизм этих слоев не стоит слишком переоценивать: преобладающее большинство представителей этих групп — выходцы из высшего и «высшего среднего» классов. Большинство социологов, соглашаясь с тем, что «новой элите» принадлежит все возрастающая роль в управлении социальными процессами, обращает внимание на то, что это относится в основном к верхушке интеллектуалов и менеджеров — «элите профессионалов», а не ко всей интеллигенции, численность которой стремительно увеличивается. Они отмечают, что среди интеллигенции западных стран, претендующих на то, что они вступили в постиндустриальное общество, растет внутренняя дифференциация, а социальный статус и уровень жизни широких кругов интеллигенции начинают снижаться. Констатируя тот факт, что в США наблюдается «перепроизводство интеллектуалов», М. Новак обращает внимание на то, что шансы для вхождения в «новую элиту» имеют преимущественно люди, обладающие «качественным» (элитным) образованием, высоким уровнем дохода и соответствующим социальным статусом. Известный американский социолог Э. Тоффлер пишет о том, что социально-политическое развитие передовых в экономическом отношении стран в последнее время все больше заставляет многих западных политологов отказаться от лозунгов правления большинства, свойственных эпохе индустриализма (или «второй волны», по терминологии самого автора), и открыто признать, что эпоха «сверхиндустриализма» («третьей волны») — это правление квалифицированного меньшинства. Он говорит о том, что «третья волна» бросает вызов «привилегиям и прерогативам нынешних элит» [1, с. 165]. А дальнейший ход исторического развития во многом будет зависеть от гибкости и ума представителей нынешних элит, субэлит и сверхэлит.

Согласно некоторым прогнозам, переход от индустриального типа общества к постиндустриальному будет сопровождаться целым рядом изменений, главным среди которых станет смена тенденции «восстания масс», характерной для XX в., грядущим «восстанием элит», вполне возможным уже в XXI столетии. Стоит отметить тот факт, что современная элита — продукт именно индустриального общества, по этой причине оставаться эффективной в условиях постиндустриализма она просто не способна.

«Восстанию масс» в XX в. предшествовало бурное развитие индустриализма, периода, когда «популярным» стало все массовое. «Восстание элит» таким же образом должно происходить в тесной связи с утверждением основ постиндустриализма. По мере формирования этого нового типа общества будет происходить трансформация существующего типа элиты, которая в конечном счете может стать настоящей революцией для современности.

«Восстание элит» будет ознаменовано переходом от массовой культуры (как культуры потребления) к элитной культуре (как культуре «созидания», «творения»), от массового и потому всегда усредненного образования к элитному образованию, от деструктивной и конфликтной массовой психологии к элитарному сознанию.

«Восстание элит» означает коренное и принципиальное изменение качества «избранности» в субъекте элиты по трем основным параметрам: интеллектуализм, профессионализм, креативность. Это соответствует становлению элитарного сознания, элитарного образования, элитарной культуры.

Характерной чертой предстоящих преобразований будет постепенное разрушение самого мифа о «правильности» прежней элиты эпохи индустриализма. Время «старых элит» почти прошло, а их идея оказалась дискредитированной. Если на смену прежней элите должна прийти «новая», то вместе с ней должна появиться новая политическая мифология. Уже сейчас, с учетом ожидаемых изменений, можно задать примерные параметры этого мифа.

Вполне обоснованно предположить, что новый миф о «новой» элите постиндустриализма будет носить не столько демократический, сколько аристократический оттенок. Но сам термин «аристократия» будет трактоваться тоже по-новому. Старая родовая аристократия полностью себя исчерпала и дискредитировала с таким же успехом, как и современные политические элиты дискредитировали себя с демократией. По этой причине «аристократия» эпохи постиндустриализма, вероятнее всего, будет пониматься и позиционироваться как совокупность элитарного сознания, высокого профессионализма и компетентности (образованности), а также элитарной культуры (нравственности). На первый взгляд такие требования могут показаться даже идеалистическими, соответствующими духу Платона, но отнюдь не утопическими. Они вполне возможны, если учитывать такие наблюдаемые тенденции, как ориентация на личную собственность (т. е. интеллектуальную собственность самой личности) и так называемые высокие технологии, требующие сложившейся системы развитых креативных способностей.

Поскольку «восстание масс» сопровождалось коренным изменением всех существовавших до этого момента духовных и материальных ценностей, постольку «восстание элит» должно стать периодом, когда вновь будут трансформироваться ценности и нормы, в первую очередь у представителей самой элиты. Основополагающим в этой «трансформации» будет изменение качества самого элитарного сознания, системы образования как механизма подготовки специалистов и, непосредственно, культуры. Преобладающее значение будет иметь не частная собственность на средства производства, как это было ранее, а личная собственность на стратегически важное инновационное знание.

Современный, наиболее распространенный тип политической элиты характеризуется главным образом статусными параметрами, и лишь потом принимаются во внимание личные качества и заслуги субъекта элиты. Не вызывает сомнения то, что принцип статуса продолжает оставаться достаточно важным и необходимым даже в наше время, но в постиндустриальном обществе значение «элиты» будет отражать не форму (как статус), а «элитность» как содержание (достоинство личности).

Таким образом, интеллектуальный мир постиндустриализма неминуемо повлечет за собой интеллектуализацию правящих элит. «Выходом из положения, — по мнению П. Л. Карабущенко, — должно стать не обострение конфликта между элитами (например, политической и научной), а установление диалога и партнерства в деле выработки...» [3, с. 329].

Чтобы обобщить все вышеизложенное и привести к общему знаменателю, т. е. сделать окончательный вывод, необходимо уточнить и разграничить основные понятия, которыми мы оперируем: «политическая элита», «научная элита» и «правлящая элита».

Политическая (административно-управленческая) элита — это люди, занимающие высшие посты в институтах власти. По мнению Г. К. Ашина, «политическая элита — это социальная группа, контролирующая основную часть политических, экономических, символических ресурсов общества, группа, определяющая государственную политику, влияющая на управление всеми сферами социальной жизни, принимающая важнейшие стратегические решения» [4, с. 126].

Научная элита (интеллектуальная элита, элита знаний) — это люди, действующие в области науки, образования, а также политические советники. Как считает Пал Тамаш, данная элита «обладает профессиональными знаниями и контролирует формирование системы символов, культурных ценностей, мифов, из которых складываются более или менее согласованные идеологии. Тем самым эти круги решающим образом влияют на состояние общественного сознания и возможность его мобилизации для достижения поставленных целей» [5].

Бесспорно, что отношения между политической и научной элитой далеко не однозначны. Например, в обмен на свою поддержку координирующие правительственные органы могут включать в планы работы академических учреждений важные для государства проблемы управления, обороны или социальной политики. Государство обычно оказывает влияние на отношения академической среды с внешним миром, с обществом и экономикой, задавая стратегические цели и централизованно распределяя ресурсы. Тем самым оно может направлять в нужное русло вспомогательную деятельность интеллектуальных элит по управлению обществом. В случае возникновения внутри академической среды кризисных ситуаций по поводу распределения власти, вмешательство государства, оказывающего выборочную поддержку тому или иному своему партнеру, может играть ключевую роль при урегулировании конфликтов.

Таким образом, интеллектуальные элиты могут играть в наше время определяющую роль в общественной и политической жизни. Даже если их мандат складывается на основе торга с политиками, элита знаний все равно решающим образом влияет на сознание общества.

В «новую» правящую элиту, которая ранее включала в свой состав представителей политической и экономической элиты, в постиндустриальном обществе войдут, пусть в начале его формирования на вторых ролях, представители научной и культурной (в том числе медийной) элиты.

Таким образом, можно сделать вывод, что в постиндустриальном обществе будут существовать политическая, экономическая, научная, культурная и другие виды элит.

А в состав «новой», именно правящей элиты так или иначе войдут отдельные представители этих видов элит. Данный процесс будет способствовать постепенной интеллектуализации «новой» правящей элиты.

Литература

1. *Ашин Г. К.* Курс истории элитологии. М., 2003.
2. *Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959.
3. *Карабущенко П. Л.* Восстание элит и его возможные сценарии // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. Ростов-на-Дону, 2004.
4. *Ашин Г. К.* Элитология. М., 2005.
5. *Пал Т.* Роль элит в венгерском мягком переходе // Pro et contra. Т.1. 1996. № 1. URL:<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55562.htm>

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2009 г.